

ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ТОНКОВ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10

E-mail: d.tonkov@yandex.ru

SPIN-код: 8825-9437

ORCID: 0000-0002-9841-5743

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА АКСЕЛЯ ХЭГЕРСТРЁМА

Аннотация. Идеи Акселя Хэгерстрёма, основателя скандинавского правового реализма, не достаточно широко известны в российской юридической науке. Его труды по философии права в значительной части посвящены исследованию фундаментальных правовых концепций и попытке установления корреспондирующих им фактов. А. Хэгерстрёмом представлена развернутая критика теории естественного права и юридического позитивизма. Особое внимание уделено базовому элементу последнего — «теории воли», а также имплицитному присутствию в позитивизме естественно-правовых положений. А. Хэгерстрём рассматривает право как выражение интересов и как социальный механизм, выделяя способствующие соблюдению правопорядка социопсихологические факторы, такие как социальный инстинкт, вера в Бога, позитивная моральная установка и страх внешнего принуждения. Права и обязанности А. Хэгерстрём понимает как следствие магических верований и метафизических представлений; они, по его мнению, являются лишь «чувствами», так как невозможно найти в действительности соответствующие правам и обязанностям факты. Ценности, в свою очередь, выступают выражением чувств, что приводит к отрицанию существования объективных ценностей. Правовые проблемы, имеющие оценочные составляющие, А. Хэгерстрём предлагает исключить из области юриспруденции. Несмотря на отсутствие у А. Хэгерстрёма целостной политической теории, его философия обращена к насущным политическим проблемам своего времени. В ней развивается идея демократического поворота в управлении государством и подчеркивается необходимость наличия «суггестивного эффекта» власти. Судебная деятельность исследуется А. Хэгерстрёмом во многом с точки зрения критики волюнтаристских теорий. Он отрицает как декларирование в судебных решениях воли законодателя, так и идентичность решений воле судьи. Определенность права поддерживается предсказуемостью судебных решений, которая зависит от установленных объективных факторов. А. Хэгерстрём развивал реалистичный подход к праву через обнажение метафизической основы традиционных правовых теорий, использование эмпирической методологии и изучение фактов. Однако ему не удалось четко изложить отдельные концепции и методы нового направления правовой мысли, что позднее сделали его последователи.

Ключевые слова: философия права, Аксель Хэгерстрём, скандинавский правовой реализм, естественное право, юридический позитивизм, теория воли, права и обязанности, ценности, политика, судебное решение

DMITRII E. TONKOV

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
10, Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation

E-mail: d.tonkov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9841-5743

LEGAL PHILOSOPHY OF AXEL HÄGERSTRÖM

Abstract. Ideas of Axel Hägerström, the founder of Scandinavian legal realism, are not sufficiently known in Russian legal science. His works on the legal philosophy are mainly devoted to the study of fundamental legal concepts and attempt to establish the facts corresponding to them. Axel Hägerström presented extensive critique of natural law and legal positivism. Special attention is focused on the basic element of the latter — theory of will — as well as on the implicit presence of natural law provisions in positivism. Axel Hägerström considers the nature of law as an expression of interests and as a social mechanism, emphasizing socio-psychological factors contributing to preservation the legal order: social instinct, belief in God, positive moral disposition and fear of external coercion. Concepts of rights and duties are considered by Axel Hägerström as a consequence of magical beliefs and metaphysical visions that are merely “feelings”, as it is impossible to find in reality facts that are relevant to rights and duties. Hence, values are seen as expressions of feelings that lead to the denial of the existence of objective values. Axel Hägerström suggests to exclude from the field of jurisprudence all legal problems with evaluative components. Despite the absence of comprehensive political theory Axel Hägerström’s philosophy appealed to vital political issues of his time: democratic turn in the state administration; necessity of “suggestive effect” of authority. Judicial activity is examined, largely, in terms of critique of voluntaristic theories. Axel Hägerström denies both declaration of legislators’ will in judicial decisions and identity of such decisions to the will of the judge. Certainty of law is supported by predictability of judicial decisions which depends on objective factors. Axel Hägerström was developing a realistic approach to law through the exposure of the metaphysical ground of traditional legal theories, use of empirical methods and the study of facts. However, he failed to explain clearly the particular concepts and methods of the new movement of legal thought — the task performed later by his followers.

Keywords: legal philosophy, Axel Hägerström, Scandinavian legal realism, natural law, legal positivism, theory of will, rights and duties, values, politics, judicial decision

*Praeterea censeo metaphysicam esse delendam*¹.

Аксель Хэгерстрём

1. Введение

В юридической науке существует два классических направления правового реализма: американский и скандинавский. Правовое движение, известное как «американский правовой реализм», возникло в первой половине XX в. в США и объединяло различных американских ученых, возглавляемых такими мыслителями, как Карл Ллевеллин (*Karl Llewellyn*), Джером Фрэнк (*Jerome Frank*), Уолтер Кук (*Walter Cook*), Герман Олифант (*Herman Oliphant*) и Андерхил Мур (*Underhill Moore*). Они осуждали формализм, абстракции и консерватизм традиционной юриспруденции. Другое реалистичное движение в начале — середине XX в. появилось в Скандинавии. Основными представителями скандинавского правового реализма являются шведский философ Аксель Хэгерстрём (*Axel Hägerström*)² и его ученики Вильгельм Лундштедт (*Vilhelm Lundstedt*), Карл Оливекрона (*Karl Olivecrona*) и Альф Росс (*Alf Ross*). В рамках данного движения считалось, что традиционные правовые концепции состоят из бессмысленных метафизических идей, которые должны быть выведены из правоведения, а юриспруденции следует базироваться исключительно на фактическом опыте.

Скандинавские реалисты настаивали на необходимости отказа от метафизических концепций права и ориентации юриспруденции на эмпирическую методологию. Взгляды скандинавских правовых реалистов на право (*law*)³ различаются в отдельных аспектах (иногда довольно значительно), но все ученые были объединены желанием изгнать метафизические элементы из права и подчеркивали необходимость реалистического и эмпирического подходов в юриспруденции. Соответственно они отрицали естественное право как находящееся вне сферы науки и реальности,

¹ «Кроме того, я считаю, что метафизика должна быть разрушена» (*Hägerström A. Selbstdarstellung // Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen / Hrsg. von R. Schmidt. Leipzig, 1929. S. 158*).

² Аксель Андерс Теодор Хэгерстрём (6 сентября 1868 г. — 7 июля 1939 г.) — шведский философ и правовед.

³ Здесь и далее при необходимости будут приводиться англоязычные уточнения, о каком «праве» идет речь: праве — *right* или праве — *law*.

а равно и юридический позитивизм как пронизанный, по их мнению, естественно-правовыми концепциями. Общепринятые понятия, воспринимаемые неотъемлемыми элементами структуры права (*law*), такие как «права» (*rights*), «обязанности» и «обязывающая сила права», для них не имеют фактических эквивалентов и существуют только в воображении или в виде суеверий. Скандинавские правовые реалисты ограничивали научное исследование только тем, что «есть», исключая то, что «должно быть», так как моральные оценки фактически не существуют, а имеют только персональное значение, которое не поддается научному обоснованию или подтверждению⁴.

Основателем скандинавского правового реализма был Аксель Хэгерстрём, профессор философии в Уппсальском университете (*Uppsala University*)⁵. Он исходил из того, что наука должна заниматься объяснением фактов в мире пространства и времени. Исследования А. Хэгерстрёма привели его к выводу, что традиционные юридические концепции не имеют фактических эквивалентов и являются метафизическими, притворными идеями, состоящими из суеверий, мифов, фикций и магии⁶. В статье основные положения философии права А. Хэгерстрёма рассматриваются через анализ его критики концепций естественного права и юридического позитивизма, а также его взглядов относительно природы права (*law*), прав (*rights*) и обязанностей, ценностей, политики и судебной деятельности. Последней уделено специальное внимание, поскольку представления А. Хэгерстрёма о суде являются наглядной иллюстрацией его интеллектуальной связи с американскими правовыми реалистами, подробно изучавшими практическую сторону судебного процесса и поведение судей.

2. Критика естественного права и позитивизма

Правовой реализм выступил против обоих традиционных подходов к праву: теорий естественного права и юридического позитивизма. Естественное право, по мнению А. Хэгерстрёма, является не более чем собранием простых метафизических веро-

⁴ См.: *Sherbaniuk D.J. Scandinavian Realism // Alberta Law Review. 1962. Vol. 2. No. 1. P. 58.*

⁵ Старейший университет Скандинавии, основан в 1477 г., находится в шведском городе Уппсала.

⁶ См.: *Sherbaniuk D.J. Op. cit. P. 58.*

ваний. Он признавал наличие своего рода «общего чувства справедливости», вызываемого совпадением моральных установок у власти в обществе, но утверждал, что нормы права не получают свою обязательную силу из этого «общего чувства». Обязательная сила права опирается на его эффективность и, в общем, на социальные институты. Получается, что главное различие между естественным правом и идеей А. Хэгерстрёма об общем чувстве справедливости лежит в их основании. А. Хэгерстрём не обращается к некоему высшему существу, к онтологической структуре вселенной, к какой-либо феноменологической необходимости и т.д., так как общее чувство справедливости может быть адекватно объяснено генеалогически: как только выявлен генезис и историческая эволюция данного набора норм, общее чувство справедливости должно предстать очевидным любому, кто имеет дело с этими нормами⁷.

Юридический позитивизм, в отличие от теорий естественного права, рассматривал право как содержание воли высшей власти в обществе, которая выражает себя через команды или императивы. Значительная часть трудов А. Хэгерстрёма посвящена критике «теории воли» в праве, которая отстаивается в работах Джона Остина (*John Austin*). А. Хэгерстрём отрицает теорию воли как несовместимую с историческими фактами и не соответствующую эмпирической реальности. Он не смог найти воли суверена, которой бы было приписано создание права, будь то воля монарха или парламента, или даже общая воля народа: «Когда юриспруденция ошибочно пытается свести собственные мистические идеи прав и обязанностей к существующим выражениям властной воли, она всего-навсего ищет объяснение идеям, которые не имеют основания в действительности, с помощью чего-то другого, что имеет небольшое реальное основание. При этом выражающая себя в праве реальная воля не согласуется с фактами»⁸.

А. Хэгерстрём критикует юридический позитивизм и за наличие в нем естественно-правовых элементов. Согласно позитивистским теориям суверенная власть считается возлагающей на себя обязанности посредством правовых предписаний. Эти обязанности, как считает А. Хэгерстрём, не могут возникать из

⁷ См.: *Mindus P. A Real Mind: The Life and Work of Axel Hägerström*. Dordrecht; Heidelberg; L.; N.Y., 2009. P. xiii.

⁸ *Hägerström A. General View // Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Ed. by K. Olivecrona, trans. by C.D. Broad. Uppsala, 1953. P. 11.*

команд суверена, а зависят от обещаний суверенной власти, что является обязательным в соответствии с принципом естественного права *pacta sunt servanda*. Кроме того, государство, очевидно, не может обосновать свое право издавать команды собственными же командами, но должно сослаться на уже существующее право, т.е. на естественное право (*law*), на котором и основывается это его право (*right*).

Схожей критике подверглась и теория права Ганса Кельзена (*Hans Kelsen*). А. Хэгерстрём утверждал, что государство вообще не имеет никакой реальной воли: только люди, а не коллективные объединения способны формировать волю в психологическом смысле. Более того, использование слова «должно» в юридическом контексте, т.е. когда имеется в виду, что конкретная норма «должна» применяться в деле, показывает, что взятые из естественного права идеи включены в правовую систему: «Когда Кельзен представляет на обсуждение вопрос “Каковы нормы, которые должны применяться органами государства и соблюдаться его субъектами?” как именно юридический вопрос, он описывает то, что является вопросом исключительно естественного права»⁹. А. Хэгерстрём также отрицает формальную систему норм Г. Кельзена на том основании, что тот «не позволяет юриспруденции иметь дело с действительной социальной сущностью»¹⁰. Сверхъестественная юридическая система Г. Кельзена не включает потребности социальной жизни и не существует в мире природы. «Основную норму», которая придает позитивным нормам права их силу, А. Хэгерстрём объявляет «мистической»: она должна основываться на естественном праве, так как действительна не потому, что создана правовым актом определенным путем, но потому, что она предполагается действительной при отсутствии возможности быть найденной в опыте, «она просто парит в воздухе»¹¹.

Таким образом, А. Хэгерстрём выставляет позитивизм насквозь пронизанным концепциями естественного права.

⁹ Hägerström A. Is Positive Law an Expression of Will? // Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Ed. by K. Olivecrona; trans. by C.D. Broad. P. 52.

¹⁰ Hägerström A. Kelsen's Theory of Law and the State // Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Ed. by K. Olivecrona; trans. by C.D. Broad. P. 267.

¹¹ Ibid. P. 277.

3. Природа права

Взгляды А. Хэгерстрёма на природу права (*law*) не изложены им систематизированно, но могут быть вычленены из различных работ. Он считает, что сама идея права как набора или системы обязывающих норм превращается в ничто, если мы примем во внимание единственно существующую реальность — социальную. А. Хэгерстрём утверждает, что в любом обществе присутствует набор норм, который действительно применяется судами и другими органами, и мы можем относиться к этим нормам как к «праву (*law*) конкретной территории»: «Благодаря всем видам социопсихологических факторов, система правил поведения действительно поддерживается в конкретном обществе теми, и в большой степени теми, кто определен в самих нормах. И законы принимаются, и подзаконные акты издаются в соответствии с моделями поведения, выраженными в конституции. Законы и подзаконные акты соответствуют друг другу через деятельность лиц, установленных ими же, например судей. Это факт, который может быть определен безотносительно каких-либо интересов... Естественно, что система норм, в целом соблюдаемая в обществе, может быть охарактеризована как право общества. И знание того, что действительно происходит и что, скорее всего, произойдет на основе этой системы норм, определяющей действия, может быть названо правовой наукой»¹².

По мнению А. Хэгерстрёма, «право (*law*) ...представляет выражение интересов... В конфликте интересов внутри общества конкретные интересы начинают выражаться в форме законов. Система норм, которая выстраивается подобным образом, реализуется в жизни, потому что совокупная масса разнородных факторов объединяет усилия для ее поддержания»¹³ без какого-либо вмешательства «воли». Среди этих факторов можно выделить популярные представления о справедливости, классовые интересы, общую склонность адаптироваться к обстоятельствам, страх анархии, недостаток организованности среди недовольной части населения и передающуюся традицию соблюдения так называемого права определенной территории.

¹² Hägerström A. Till frågan om begreppet gällande rätt // *Tidsskrift for Rettsvitenskap*. 1931. Vol. 44. P. 83—84. Цит. по: Spaak T. A Critical Appraisal of Karl Olivecrona's Legal Philosophy. Cham; Heidelberg; N.Y.; Dordrecht; L., 2014. P. 65.

¹³ Hägerström A. Is Positive Law an Expression of Will? // Hägerström A. *Inquiries into the Nature of Law and Morals* / Ed. by K. Olivecrona; trans. by C.D. Broad. P. 41.

Систему права А. Хэгерстрём считает *социальным механизмом*, в котором люди являются винтиками¹⁴. Однако А. Хэгерстрём не отводит людям роль «всего лишь» винтиков в механизме права. Чтобы понять смысл, который он вкладывает в эту метафору, необходимо учитывать, среди прочего, его размышления на тему конституции, правовых норм и правосудия. Обобщенно можно сказать, что если право является механизмом, то это не «ржавый инструмент», а скорее «образец высокого часового искусства». Его технологическое изящество является следствием многотысячелетнего опыта сосуществования людей. Право — это инструмент, который может настроить мельчайшие детали социальной вселенной¹⁵. «Спусковым крючком» современного правового устройства выступают конституционные нормы.

А. Хэгерстрём далее утверждает, что само существование правового порядка как власти «просто сводится к тому факту, что конкретные принудительные нормы действительно соблюдаются благодаря положительному к ним отношению субъектов права». Он перечисляет четыре¹⁶ самостоятельных условия-фактора, необходимые для существования, соблюдения и исторического развития правового порядка: (1) неосознанный социальный инстинкт, порождающий общество путем консолидации людей, затем (исторически) (2) вера в Бога, которая, в свою очередь, прокладывает путь для (3) «правовой морали» (позитивной моральной установки), или «чувства правомерного», что приводит к (4) страху наказания (страх внешнего принуждения). Ни один из этих факторов сам по себе не может выступать достаточным для объяснения, почему люди соблюдают право.

Под термином «социальный инстинкт» А. Хэгерстрём имеет в виду то обстоятельство, что «в конкретном объединении его

¹⁴ См.: *Hägerström A. On Fundamental Problems of Law // Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Ed. by K. Olivecrona; trans. by C.D. Broad. P. 354.*

¹⁵ См.: *Mindus P. Op. cit. P. 151.*

¹⁶ Некоторые исследователи выделяют только три фактора, исключая из перечня «веру в Бога». См.: *Spaak T. Op. cit. P. 65.* Однако в статье 1939 г., которая явилась своего рода интеллектуальным завещанием А. Хэгерстрёма (*Hägerström A. On Fundamental Problems of Law // Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Ed. by K. Olivecrona; trans. by C.D. Broad. P. 348—366*), «вера в Бога» четко заявлена в качестве одного из элементов, обеспечивающих развитие правового порядка. Более того, по мнению А. Хэгерстрёма, исторически это главный элемент. См.: *Mindus P. Op. cit. P. 139.*

члены склонны, независимо от осознания, следовать определенным общим правилам поведения, посредством чего кооперация, по меньшей мере для поддержания жизни и размножения внутри группы, становится возможной»¹⁷. Далее он утверждает, что социальный инстинкт является более фундаментальным фактором, чем позитивная моральная установка и страх внешнего принуждения. А. Хэгерстрём обосновывает это следующим образом: «Без него [социального инстинкта] мораль не приведет к соответствующему действию, так как в ней отсутствует правовая принудительная реакция. Без него [социального инстинкта] такие реакции были бы невозможны как регулярные явления, и поэтому страх внешнего принуждения не смог бы стать фактором, постоянно обеспечивающим поддержку соответствующего действия. Тем не менее другие факторы так же важны, ведь социальный инстинкт не работает изолированно, но может быть преодолен интересами или страстями, которые ведут к антисоциальному действию. Они [вера в Бога, позитивная моральная установка и страх внешнего принуждения] активизируются, когда один социальный инстинкт не справляется. Вместе с социальным инстинктом... они способствуют стабильному существованию правового порядка как власти»¹⁸. А. Хэгерстрём поясняет, что эти факторы способствуют поддержанию правовой системы как власти в том смысле, что они помогают осуществлять систематическое применение принудительных норм внутри группы людей¹⁹.

Ни один из указанных четырех факторов сам по себе не может выступать достаточным для объяснения, почему люди соблюдают право. Более того, для такого объяснения эти факторы должны быть интегрированы с двумя побудительными элементами, представляющими собой «мощность двигателя» социального механизма, т.е. определяющими степень соблюдения права: воспитательная суггестия права и его обратный эффект. Через решения и действия властей государства «мощность двигателя» гарантирует сложную сеть взаимовлияний правосознания и действующего права, постоянно формирующих друг друга. Иными словами, воспитательная суггестия права воздействует

¹⁷ *Hägerström A. On Fundamental Problems of Law // Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Ed. by K. Olivecrona; trans. by C.D. Broad. P. 350.*

¹⁸ *Ibid. P. 352—353.*

¹⁹ *Ibid. P. 353—354.*

на правосознание, которое, в свою очередь, определяет действующее право²⁰.

4. Права и обязанности

Идеи традиционной юриспруденции относительно природы прав и обязанностей, по мнению А. Хэгерстрёма, берут начало в древних, глубоко укоренившихся магических верованиях²¹. Исследования древнеримского права привели его к пониманию, что такие фундаментальные концепции, как, например, *mancipatio*, акт покупки, опирались на систему верований в мистические силы, которые могли быть задействованы для достижения желаемого эффекта (передачи прав) путем использования надлежащих слов и жестов. В церемонии *mancipatio* покупатель, держа в руке продаваемую вещь (к примеру, раба), кидал кусок меди на весы и говорил: «Я провозглашаю это своим и что это было куплено мной этим куском меди». Но покупатель не становился собственником раба до момента, пока продавец не брал кусок меди. Очевидно, высказывание не использовалось для утверждения факта. Получается, провозглашение было ложным в момент произнесения. Его функция заключалась не в отображении фактов, но в установлении в лице покупателя *dominium* над рабом. Церемония в целом была ритуальным актом, обеспечивающим появление права собственности у покупателя²². А. Хэгерстрём утверждает, что современные правовые институты также представляют собой подтверждение верований в сверхъестественный мир прав и обязанностей и в магическую силу слов, которые вызывают изменения в этом мире, хотя, безусловно, и не в той же мере, что в древние времена.

Представления о правах и обязанностях объясняются А. Хэгерстрёмом и психологически. Он утверждает, что этим словам сопутствуют определенные эмоции и чувства, которые приво-

²⁰ См.: *Mindus P.* Op. cit. P. 152.

²¹ См.: *Olivecrona K.* Preface // Hågerström A. *Inquiries into the Nature of Law and Morals* / Ed. by K. Olivecrona, trans. by C.D. Broad. P. xiii.

²² «В римской манципации (ритуальном обряде перенесения права собственности на нового владельца) мы имеем дело не с чем иным, как с представлением о правах и обязанностях как о магической связи, отождествляемой одновременно и с божественной, и с социальной силой» (Антонов М.В. Скандинавская школа правового реализма // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008. / Под ред. А.В. Полякова. СПб., 2009. С. 650).

дят к метафизическим идеям сверхъестественных сил и связей: «Можно понять, почему лицо сражается лучше, если верит в свою правоту. Мы чувствуем, что за ним стоят таинственные силы, у которых можно заручиться поддержкой»²³. Соответственно идея обязанности ассоциируется с чувством необходимости, независимым от какого-либо принуждающего органа, совершить конкретные действия или воздержаться от них. Это чувство гипостазировано: связь кажется реально существующей.

Чтобы понять ход рассуждений А. Хэгерстрёма, необходимо рассмотреть его анализ идей прав и обязанностей подробнее²⁴. Представим, что А наделен правом собственности на конкретный дом. Нам кажется, что мы имеем дело с чем-то очевидным, но как только мы попытаемся обозначить корреспондирующие нашей идее факты, мы сталкиваемся с трудностями. Фактическое основание может быть найдено либо в (1) гарантированной защите со стороны правовой системы, либо в (2) издаваемых государством командах соблюдать права собственника.

(1) Можно сказать, что право (*right*) заключается в гарантии защиты владения собственника со стороны государства. Но А. Хэгерстрём утверждает, что этого не может быть, так как государство не вмешивается, пока собственник не утрачивает владение, т.е. пока не произошло посягательство на право (*right*). Другими словами, вмешательство государства предполагает существование права (*right*) и его нарушение. Более того, правовая защита будет предоставлена собственнику только в том случае, если он докажет наличие у него титула. Это непереносимое условие получения защиты со стороны государства. Таким образом, право собственности не может быть идентично факту защиты, предоставленной собственнику государством.

(2) Другое возможное объяснение природы права (*right*) в том, что государство отдает всем лицам, у кого нет титула на владение домом, команду не нарушать права собственника. И в случае неповиновения этой команде государство будет осуществлять насильственные меры по защите собственника, если он того пожелает. Однако, как поясняет А. Хэгерстрём, главная трудность возникает в случае, когда обе стороны спора утверждают, что обладают правом (*right*). Никто не ослушался команды государства.

²³ Hågerström A. General View // Hågerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Ed. by K. Olivecrona; trans. by C.D. Broad. P. 5—6.

²⁴ Ibid. P. 1—16.

Лицо, которое уверено в наличии у него права (*right*), не считает себя адресатом команды. Получается, что команда, которая не достигла своего адресата, является пустым звуком и не может быть действительной командой. Но и в этом случае государство принуждает сторону, проигравшую в судебном процессе, отказаться от вещи на том основании, что право выигравшей стороны было нарушено. Следовательно, право собственности не может заключаться в факте наличия команды государства всем остальным лицам не нарушать правомочия собственника²⁵.

В результате А. Хэгерстрём приходит к выводу, что не существует тех фактов, которые бы корреспондировали, например, идее права собственности. Он понимает право (*right*) как «власть» над вещью, но не как действительную власть: «Мы имеем в виду под правом собственности и правомерными требованиями те действительные силы, которые существуют довольно отдаленно от наших естественных сил — силы, которые принадлежат другому миру, а не миру природы и которые законодательство просто высвобождает через команды государства. Власти государства всего лишь помогают перенести эти силы, насколько это возможно, в пространство реальности»²⁶. Таким образом, утверждения о правах всегда ошибочны, так как они влекут приписывание несуществующих сверхъестественных сил обладателю права (*right*).

Идея правовых обязанностей объясняется схожим образом. А. Хэгерстрём, во-первых, пытается свести ее к тому факту, что неисполнение конкретного действия повлечет наложение санкции. Но правовая обязанность может быть вполне независима от реакции власти на ее нарушение. Правонарушение может, например, не привести к наказанию в силу истечения срока исковой давности, но никто не будет отрицать, что в данном случае имеет место неисполнение обязанности, несмотря на отсутствие наказания²⁷. Второе объяснение заключается в том, что правовая обязанность является не более чем командой, изданной законодательным органом. Сложность здесь в том, что в некоторых случаях правовая обязанность может существовать без осведомленности адресата о наличии соответствующей команды, а «пока лицо, которому адресована команда, действительно не по-

²⁵ См.: *Sherbaniuk D.J.* Op. cit. P. 58—59.

²⁶ *Hägerström A. General View* // Hägerström A. *Inquiries into the Nature of Law and Morals* / Ed. by K. Olivecrona; trans. by C.D. Broad. P. 5.

²⁷ Ibid. P. 7.

лучит и не осознает ее, никакая команда в действительности не существует»²⁸. Вывод А. Хэгерстрёма заключается в том, что идея правовой обязанности не может быть определена каким-либо фактом, но имеет мистическую основу, как и в случае с правами.

Таким образом, допущение того, что права и обязанности имеют объективную сущность, приводит к метафизической или естественно-правовой концепции правовой системы.

Может возникнуть ощущение, что А. Хэгерстрём стремился свести концепции прав и обязанностей к абсолютному нулю, но это не так. Действительно, права и обязанности не являются чем-то объективным, как, например, стул или стол. Согласно Хэгерстрёму, это скорее «чувство», как чувство чего-то красивого или безобразного²⁹.

5. Ценности

В связи с тем, что А. Хэгерстрём придерживался строго научного подхода к праву (*law*) и интересовался исключительно вопросами факта, неудивительно, что в его работах не уделяется большого внимания «должному» и «ценному». Его отдельные высказывания о «ценностях» при исследовании правовой обязанности позволяют предположить, что он отрицает существование объективных ценностей. Так называемые ценностные суждения, утверждает он, не являются реальными суждениями, поскольку они приписывают действиям или вещам свойства, которых не существует. Поскольку истинность высказывания, по А. Хэгерстрёму, определяется логической детерминацией (отсутствием противоречия) и его соответствием реальному объекту, то знание о ценности невозможно. Ценности являются лишь выражением чувств, а не суждением о реальности³⁰. Так, «желательность» действия (например, «желательно, чтобы он скоро пришел») означает лишь возникающее у нас чувство удовлетворения, связанное с идеей действия, но не означает никакого реального свойства «желательности» в данном действии.

Если бы ценности были суждениями о реальности, то их эмоциональное содержание могло бы быть отделено от самого чув-

²⁸ См.: *Hägerström A. General View*. P. 7—8.

²⁹ См.: *Schmidt F.F. The Uppsala School of Legal Thinking // Scandinavian Studies in Law*. 1978. Vol. 22. P. 156.

³⁰ См.: *Mindus P. Op. cit.* P. xi.

ства, чего не происходит. Так, нашими ценностными суждениями мы на самом деле ничего не оцениваем. Ими мы выражаем в лингвистической форме эмоцию, ассоциативно связанную с представлением или концепцией. Вера в объективность ценностей исходит из привычки ассоциировать эмоции с конкретными идеями. В свою очередь, эта привычка основана на образованности индивида и зависит от двух факторов:

(1) команды, полученной от какого-либо вида власти (родительской, учительской, публичной власти или власти государственных деятелей) и имеющей в некотором роде знаковое воздействие на лицо;

(2) совпадения до определенной степени различных команд, существующих в обществе.

Представление о том, что конкретное действие будет «хорошим», поддерживается тем фактом, что люди находят схожие представления о «правильности» действия в окружающей их социальной среде. Вера в объективность ценности исходит из так называемого суггестивного эффекта, производимого властью. Использование индикативной формы языка для выражения ассоциаций объективизирует ценность, но это впечатление обманчиво, так как единственной объективной реальностью является само выражение. Поэтому наши представления о добре и зле, о правильном и неправильном — не более чем наши чувства и побуждения³¹. Все, что скрывается за выражением «это моя обязанность», является лишь чувством конативного побуждения к действию.

Для А. Хэгерстрёма проблема выбора между конфликтующими моральными ценностями не входит в сферу научного исследования. Философия права, если она претендует быть научной и основываться на фактах, должна сконцентрироваться на изучении действительного функционирования правовых институтов и анализировать концепции и идеи так, как они действительно используются, наряду с психологическим изучением вовлеченных в этот процесс внутренних установок. Проблемы, включающие оценку, такие как «цели права» или «принципы правосудия», должны быть исключены из области научной юриспруденции.

³¹ См.: *Mindus P.* Op. cit. P. xii.

6. Политика

А. Хэгерстрём испытывал страсть к политике, международным отношениям, политической истории и истории политических идей на протяжении всей жизни. Он жил в период кардинальных изменений: рожденный в сельском и статичном обществе, в одной из старейших европейских монархий, он умер в массовом обществе, где индустриальная революция выразилась в таких крайностях, как «прекрасная эпоха» (фр. *belle époque*) и мировая война. Кроме того, в его время парламентское правление и конституционная демократия прочно укоренились в Швеции, для которой XX в. запомнился как колыбель ее модели благополучия³².

Несмотря на то что размышления о политике могут быть найдены во многих работах А. Хэгерстрёма, из этого массива информации довольно сложно реконструировать его целостную политическую теорию. Он анализировал власть и насилие, но не разработал учение о власти, как это сделал в те же годы Макс Вебер (*Max Weber*). А. Хэгерстрём периодически обращался к проблеме политического обязательства, но не изложил последовательно свою политическую философию. Скорее всего, он считал, что правовые обязательства должны быть исследованы на основе политических. И, разоблачив присутствующие в правовых обязательствах противоречия, особенно в их истоке — римском праве, — было бы возможно заново обосновать лежащие в их основе политические обязательства без обращения к насилию войны или разрушению революции³³.

Философия А. Хэгерстрёма обращена к насущным политическим проблемам своего времени, в том числе борьбе между сторонниками социалистических и капиталистических идей. Если политическую веру в правильность действий, основанных на капиталистической идеологии, можно выставить иллюзорной, то таковой должна считаться и противоположная вера. Политический конфликт может быть нейтрализован тогда, когда люди осознают отсутствие причин для взывания к моральным правам и участия в насильственной борьбе с существующими социальными и культурными институтами. Высшей ценностью для А. Хэгерстрёма является мирное существование, которое может

³² См.: *Mindus P. Op. cit.* P. 171.

³³ *Ibid.* P. 178.

быть достигнуто посредством права (*law*) определенной территории, регулирующего поведение в целях удовлетворения человеческих желаний и потребностей³⁴.

В лекциях 1921 г. «Государство и его формы» (“*State and Its Forms*”), которые в большой степени содержат критику Дж. Остина и Г. Еллинека, А. Хэгерстрём изложил свои взгляды относительно демократического поворота в управлении государством: «Англо-французская доктрина представительства как делегирования, связанного мандатом, сама по себе научно неправдоподобна. Но она должна оставаться предпочтительной, с ее фундаментальными идеями индивидуальной свободы и равенства, так как она была основой для исторического развития представительства по принципу “один человек, один голос”»³⁵.

Некоторые исследователи утверждают, что философия права А. Хэгерстрёма (в частности, его критика исторической и идеалистической школ права) была вдохновлена надеждой на «создание большего пространства для выражения народного суверенитета через законодательство»³⁶. Тем не менее А. Хэгерстрём не преувеличивал значение народного суверенитета, подчеркивая, что существует не «общая воля парламента», а только отдельные воли конкретных его членов: «Воля представительного института... всего лишь правовая фикция. Поэтому она не может быть определена как реальная воля, выраженная в законе»³⁷.

По мнению А. Хэгерстрёма, человечество вернется к деспотизму и в конечном счете к анархии при отсутствии «суггестивного эффекта» власти. С помощью символических средств суггестивный эффект вызывает в индивидах психологическую ассоциацию, заставляющую их действовать в соответствии с предполагаемым моральным долгом. Однако такая позиция основывалась не на авторитаризме или гетерономии, но предполагала призыв к автономному этическому мышлению и толерантности и со-

³⁴ См. *Bjarup J. Scepticism and Scandinavian Legal Realists // Properties of Law: Essays in Honour of Jim Harris / Ed. by T. Endicott, J. Getzler, E. Peel. Oxford, 2006. P. 58—59.*

³⁵ *Hägerström A. Rätten och staten: Tre föreläsningar om rätts- och statsfilosofi / Utgivna av M. Fries. Stockholm, 1963. P. 169. Цит. по: Mindus P. Op. cit. P. 174.*

³⁶ *Alexander G. S. Comparing the Two Legal Realisms — American and Scandinavian // The American Journal of Comparative Law. 2002. Vol. 50. No. 1. P. 167.*

³⁷ *Hägerström A. Rätten och staten: Tre föreläsningar om rätts- och statsfilosofi. P. 265. Цит. по: Mindus P. Op. cit. P. 175.*

вмещалась с твердой приверженностью демократической форме правления.

А. Хэгерстрём подчеркивает отдельные социальные факторы, которые должны рассматриваться как необходимые предпосылки для успешно функционирующего общества. В частности, он отмечал особую роль образования и социального единения. Поэтому, с его точки зрения, аксиологический нигилизм не ведет к практическому нигилизму, а скорее предполагает новый (и более научный и достойный) подход к размышлению о сущности норм³⁸. Следование нормам больше не будет зависеть от страха наказания или от «предрассудков» (по его словам, «метафизических верований»), напротив, оно будет опираться на разделяемые всеми представления о необходимости норм для социальной жизни, а также на глубокое понимание того, как общество действительно функционирует.

Таким образом, важную роль в концепции права А. Хэгерстрёма играет консенсус, хоть его природа довольно туманна. Однако тот факт, что понимание долга — как ключевого элемента обеспечения консенсуса — может значительно варьироваться от лица к лицу, не сильно беспокоит А. Хэгерстрёма, так как он предполагает значительные совпадения в командах различных властей. Это свидетельствует о конформистском видении общества, что может считаться слабым местом теории А. Хэгерстрёма. Он рассматривает общество как пребывающее в статике, что плохо сочетается с такими современными явлениями, как глобализация или мультикультурализм.

7. Судебная деятельность

А. Хэгерстрём показывает, что интерпретируемое и применяемое судьями право не представляет собой выражение чьей-либо воли (законодателя, судьи, правовой системы и т.п.). Он излагает свои доводы в следующей последовательности³⁹:

- (1) решение судьи не декларирует содержание воли законодателя;
- (2) разрешая дело, судья учитывает несколько факторов в дополнение к тексту закона;

³⁸ См.: *Mindus P. Op. cit.* P. xiv—xv.

³⁹ *Pattaro E. Axel Hägerström at the Origins of the Uppsala School // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. T. 2: Main Orientations and Topics / Ed. by E. Pattaro, C. Roversi. Dordrecht, 2016. P. 335.*

(3) это не означает, что судья, когда ему поступает дело, основывает решения на собственной воле;

(4) это также не означает, что воля законодателя уполномочивает судью принимать во внимание внеправовые факторы;

(5) стремление законодателей сформулировать текст закона определенным образом невозможно отделить от их намерения регулировать социальные отношения определенным образом;

(6) не существует такого феномена, как воля правовой системы;

(7) применение права не может быть сконструировано как деятельность по осуществлению воли, которая всегда идентична самой себе и которая командует или декларирует свое собственное содержание.

Аргументы, которые А. Хэгерстрём использует для обоснования данных утверждений, в первую очередь связаны с критикой волюнтаристских теорий судебной деятельности⁴⁰.

В общем, А. Хэгерстрём не подвергает сомнению, что, когда судьи разрешают дела, они принимают во внимание среди прочего текстуальные положения закона. Но он отрицает, что данное обстоятельство свидетельствует о том, что судьи провозглашают и приводят в действие волю законодателя: «Что касается судьи, то действующее право (*law in force*) не может быть идентично воле законодателя»⁴¹. Действующим правом для А. Хэгерстрёма является право, применяемое судьями. Однако это право не идентично решениям судей, потому что сами судьи понимают действующее право как состоящее из норм, предваряющих и оправдывающих их решения в конкретных делах.

Как замечает А. Хэгерстрём, чтобы понять судебское *modus operandi*, мы должны принять во внимание тот факт, что законодатель устанавливает нормы для *будущих* социальных отношений, а судья выносит решения, касающиеся отношений, существующих *до* принятия этих решений. Решение судьи воспринимается как устанавливающее не только вопросы факта, но также и вопросы права (*law*) и его корректного применения.

А. Хэгерстрём обращается к фигуре претора в Древнем Риме. Претор, без сомнения, творил право (*ius gentium* и *aequitas*⁴²), но считался (и сам себя считал) наделенным всего лишь правом де-

⁴⁰ См.: Hågerström A. Till frågan om den objektiva rättens begrepp. I. Viljeteorien. Uppsala, 1917. P. 16—51. Цит. по: Pattaro E. Op. cit. P. 335.

⁴¹ Ibid. P. 17. Цит. по: Pattaro E. Op. cit. P. 336.

⁴² «Право народов и справедливость» (лат.).

кларировать действующее право. То же самое можно сказать и о судьях общего права. Даже если они имеют намного больше свободы действия, чем их континентальные коллеги, они, тем не менее, чувствуют себя ограниченными прецедентом или обычаем и рассматривают себя как декларирующих право, которое, как они верят, объективно существует в отношениях между сторонами судебного процесса⁴³. Не только интерпретируя закон, но и в случае принятия решения, противоречащего закону, судьи считают, что они действуют в соответствии с объективно существующими нормами. Отмечается и сильная эмоциональная потребность в том, чтобы решения согласовывались со справедливостью. Другими словами, существует потребность в том, чтобы решения рассматривались как декларирующие права и обязанности так, как они объективно существуют на основе «беспристрастной» нормы. Наша уверенность, что судья последует этой норме, глубоко укоренена в истории цивилизации и является краеугольным камнем поддержания социального мира.

В силу этой типичной установки нашего общего правосознания относительно роли судей они оказываются ограниченными при принятии решений независимо от того, считают ли они так, исходя из понимания своего долга или всего-навсего из страха возможной реакции общества. Таким образом, нельзя говорить, что судьи свободно определяют (хоть и во многом в рамках текста закона), как разрешать дела, равно как и нельзя допустить, что право, на котором основано судебское решение, идентично воле судей. Судьи обычно стремятся лишь декларировать (так, как их к этому вынуждают социальные условия) объективное значение права применительно к конкретному делу⁴⁴.

Судьи — не вычислительные машины, но А. Хэгерстрём предупреждает, что мы не должны преувеличивать субъективность их убеждений. По крайней мере, там, где право преимущественно состоит из статутного права, объективные факторы определяют закономерность судебной деятельности в такой мере, чтобы судебные решения были предсказуемыми, поддерживая тем са-

⁴³ *Pattaro E.* Op. cit. P. 336.

⁴⁴ См.: «Судьи предпочитают формулу, по которой они лишь декларируют право, а не творят его» (*Radcliffe C.J.* *The Law & Its Compass.* Evanstone, 1960. P. 38—39); «Даже когда важное решение “творит судебную историю”, это решение выносит не судья, а право, говорящее через него» (*Clark C.E., Trubek D.M.* *The Creative Role of the Judge: Restraint and Freedom in the Common Law Tradition* // *The Yale Law Journal.* 1961. Vol. 71. P. 270).

мым определенность права. Правила поведения, которые судьи под влиянием данных факторов приводят в действие, образуют действующее право. К упомянутым объективным факторам А. Хэгерстрём относит: текст закона; общепринятые правила интерпретации и включения положений закона в решение; доминирующие направления правовой науки и практики⁴⁵.

Интересны рассуждения А. Хэгерстрёма относительно «справедливости» и «правильности» или «корректности» судебного решения. Справедливым решением, по А. Хэгерстрёму, является решение, точно выражающее поведение, которое бы в данном деле было правильным для сторон в соответствии с моделями поведения, воспринимаемыми как имеющие объективные характеристики. А. Хэгерстрём считает, что мы будем оставаться в границах научной концепции права, только если наше исследование фокусируется на установлении норм, действительно применяемых в жизни. В противном же случае мы перемещаемся в практическую философию или социальную теорию (обе дисциплины А. Хэгерстрём считает предписывающими). И, по мнению А. Хэгерстрёма, это происходит вне зависимости от того, находится ли основа для регулирования социальных отношений в «действительном» намерении законодателя (что устанавливается историко-филологическим методом) или в общем правосознании (что нормативно понимается и устанавливается посредством социологического метода, принимающего в расчет интересы общества). «Намерение» законодателя, «конечная цель права» и любой схожий критерий могут быть полезными при формулировании утверждений *de lege ferenda*⁴⁶ или утверждений политики права, как Альф Росс впоследствии их обозначит, но не при формулировании правовых утверждений, имеющих научную действительность⁴⁷.

А. Хэгерстрём также замечает, что судьи иногда обращаются к аналогии, даже когда закон запрещает ее использование, как в случае с уголовным правом. Например, когда судьи в Австрии вынесли обвинительный приговор за умышленное причинение вре-

⁴⁵ Hägerström A. Till frågan om den objektiva rättens begrepp. I. Viljeteorien. P. 25—31. Цит. по: Pattaro E. Op. cit. P. 337.

⁴⁶ С точки зрения желательного закона (*lam.*).

⁴⁷ См.: Hägerström A. Till frågan om den objektiva rättens begrepp. I. Viljeteorien. P. 38—42; Hägerström A. Rätten och viljan: Två uppsaster av Axel Hägerström / Utgivna av K. Olivecrona. Lund, 1961. P. 64.; Pattaro E. Op. cit. P. 337.

да телефонной сети, они сделали это на основе закона (принятого до появления телефонов), который предусматривал наказание за умышленное причинение вреда телеграфной сети и, безусловно, не относился к телефонным сетям. Австрийские судьи объясняли свое решение тем, что телефон является разновидностью телеграфа. Другими словами, они представили применение в уголовном деле закона по аналогии как всего лишь его интерпретацию⁴⁸. Можно найти дела, в которых аналогия используется и при наличии закона, сфера действия которого прямо покрывает рассматриваемое дело, но судья, обратившись к аналогии, применяет положение, непосредственно к данному случаю не относящееся. В обоих случаях строгое применение закона (применение закона, прямо относящегося к делу) будет противоречить некоторым широко принимаемым моральным, экономическим или социальным ценностям, и судья выберет поддержку этих ценностей, а не закона⁴⁹.

А. Хэгерстрём считает, что аналогия, охватываемая намерениями законодателя, ограничена только теми делами, которые он подразумевал при принятии закона. Все дела, которые законодатель не предвидел, не охватываются его намерениями. Можно возразить, что, обращаясь к аналогии, интерпретаторы придерживаются не конкретного намерения законодателя, а «назначения» или «цели», которую он, очевидно, преследовал при регулировании *определенных дел определенным образом*. Однако этим мы разрушаем утверждение, что закон, применяемый путем обращения к аналогии, выражает волю законодателя: творцы закона, чем бы они ни руководствовались, создавая закон, не могут утверждать, что хотели урегулировать то, что не могли представить объектами своей воли. Нельзя говорить, что интерпретаторы имеют возможность реконструировать действительную цель, преследуемую законодателем. В большинстве случаев для оправдания обращения к аналогии интерпретаторы используют собственные ценностные суждения, на которые оказали влияние указанные выше объективные факторы⁵⁰.

⁴⁸ Pattaro E. Op. cit. P. 337.

⁴⁹ См.: Hägerström A. Till frågan om den objektiva rättens begrepp. I. Viljeteorien. P. 22, 31—36. Цит. по: Pattaro E. Op. cit. P. 338.

⁵⁰ Ibid. P. 18—25. Цит. по: Pattaro E. Op. cit. P. 338.

8. Заключение

Очевидно, что вклад в юриспруденцию основателя скандинавского правового реализма А. Хэгерстрёма носит в большей степени деструктивный характер. Его целью было проверить существующие правовые теории и проложить путь для новой реалистической концепции права. С помощью логического анализа, исторического исследования и психологической аргументации он вскрыл метафизическую, естественно-правовую основу многих правовых теорий, включая позитивизм; открыл мистические, магические элементы в функционировании правового языка; обнаружил научную несостоятельность многих базовых идей традиционной правовой идеологии, таких как права, обязанности, воля, императивы, суверенитет, декларация о намерениях заключения договора и др. А. Хэгерстрём проделал грандиозную работу по развенчанию традиционных теорий и идей, однако он не смог достаточно четко показать, какими концепциями и методами необходимо заместить образовавшуюся пустоту. Свои предложения по заполнению данного вакуума впоследствии высказали его ученики, среди которых наиболее значимыми фигурами являются Вильгельм Лундшtedт, Карл Olivecrona и Альф Росс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антонов М.В. Скандинавская школа правового реализма // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / Под ред. А.В. Полякова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум “Юридическая книга”», 2009. С. 645—668.

Alexander G.S. Comparing the Two Legal Realisms — American and Scandinavian // The American Journal of Comparative Law. 2002. Vol. 50. No. 1. P. 131—174. DOI: 10.2307/840832

Bjarup J. Scepticism and Scandinavian Legal Realists // Properties of Law: Essays in Honour of Jim Harris / Ed. by T. Endicott, J. Getzler, E. Peel. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 52—68.

Clark C.E., Trubek D.M. The Creative Role of the Judge: Restraint and Freedom in the Common Law Tradition // The Yale Law Journal. 1961. Vol. 71. P. 255—276. DOI: 10.2307/794329

Hägerström A. General View // Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Ed. by K. Olivecrona; trans. by C.D. Broad. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1953. P. 1—16.

Hägerström A. Is Positive Law an Expression of Will? // Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Ed. by K. Olivecrona; trans. by C.D. Broad. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1953. P. 17—55.

Hägerström A. Kelsen's Theory of Law and the State // Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Ed. by K. Olivecrona; trans. by C.D. Broad. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1953. P. 257—298.

Hägerström A. On Fundamental Problems of Law // Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Ed. by K. Olivecrona; trans. by C.D. Broad. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1953. P. 348—366.

Hägerström A. Rätten och staten: Tre föreläsningar om rätts- och statsfilosofi / Utgivna av M. Fries. Stockholm: Natur och Kultur, 1963.

Hägerström A. Rätten och viljan: Två uppsaster av Axel Hägerström / Utgivna av K. Olivecrona. Lund: Gleerup, 1961.

Hägerström A. Selbstdarstellung // Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen / Hrsg. von R. Schmidt. Leipzig: Felix Meiner, 1929. P. 111—159.

Hägerström A. Till frågan om begreppet gällande rätt // Tidsskrift for Rettsvitenskap. 1931. Vol. 44. P. 48—91.

Hägerström A. Till frågan om den objektiva rättens begrepp. I. Viljeteorien. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1917.

Mindus P. A Real Mind: The Life and Work of Axel Hägerström. Dordrecht; Heidelberg; London; New York: Springer, 2009. DOI: 10.1007/978-90-481-2895-2

Olivecrona K. Preface // Hägerström A. Inquiries into the Nature of Law and Morals / Ed. by K. Olivecrona, trans. by C.D. Broad. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1953. P. i—xxxii.

Pattaro E. Axel Hägerström at the Origins of the Uppsala School // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. T. 2: Main Orientations and Topics / Ed. by E. Pattaro, C. Roversi. Dordrecht: Springer, 2016. P. 319—363. DOI: 10.1007/978-94-007-1479-3_41

Radcliffe C.J. The Law & Its Compass. Evanstone: Northwestern University Press, 1960.

Schmidt F.F. The Uppsala School of Legal Thinking // Scandinavian Studies in Law. 1978. Vol. 22. P. 151—175.

Sherbaniuk D.J. Scandinavian Realism // Alberta Law Review. 1962. Vol. 2. No. 1. P. 58—72.

Spaak T. A Critical Appraisal of Karl Olivecrona's Legal Philosophy. Cham; Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer, 2014. DOI: 10.1007/978-3-319-06167-2

REFERENCES

Alexander, G.S. (2002). Comparing the Two Legal Realisms — American and Scandinavian. *The American Journal of Comparative Law*, 50(1), pp. 131—174. DOI: 10.2307/840832

Antonov, M.V. (2009). Skandinavskaya shkola pravovogo realizma [Scandinavian School of Legal Realism]. In: A.V. Polyakov, ed. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of Theory of Law]. Issue 1. Saint Petersburg: OOO “Universitetskii izdatel'skii konsortsiy 'Yuridicheskaya kniga'”, pp. 645—668. (in Russ.).

Bjarup, J. (2006). Scepticism and Scandinavian Legal Realists. In: T. Endicott, J. Getzler and E. Peel, eds. *Properties of Law: Essays in Honour of Jim Harris*. Oxford: Oxford University Press, pp. 52—68.

Clark, C.E. and Trubek, D.M. (1961). The Creative Role of the Judge: Restraint and Freedom in the Common Law Tradition. *The Yale Law Journal*, 71(2), pp. 255—276. DOI: 10.2307/794329

Hägerström, A. (1917). *Till frågan om den objektiva rättens begrepp. I. Viljeteorien* [On the Concept of Objective Law. Volume I. The Will-Theory]. Uppsala: Almqvist & Wiksell. (in Swed.).

Hägerström, A. (1929). Selbstdarstellung. In: R. Schmidt, ed. *Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen*. Leipzig: Felix Meiner, pp. 111—159. (in Germ.).

Hägerström, A. (1931). Till frågan om begreppet gällande rätt [On the Question of the Concept of Valid Law]. *Tidsskrift for Rettsvitenskap* [Journal for Legal Science], 44, pp. 48—91. (in Swed.).

Hägerström, A. (1953). General View. In: K. Olivecrona, ed. *Inquiries into the Nature of Law and Morals*. Translated by C.D. Broad. Uppsala: Almqvist & Wiksell, pp. 1—16.

Hägerström, A. (1953). Is Positive Law an Expression of Will? In: K. Olivecrona, ed. *Inquiries into the Nature of Law and Morals*. Translated by C.D. Broad. Uppsala: Almqvist & Wiksell, pp. 17—55.

Hägerström, A. (1953). Kelsen's Theory of Law and the State In: K. Olivecrona, ed. *Inquiries into the Nature of Law and Morals*. Translated by C.D. Broad. Uppsala: Almqvist & Wiksell, pp. 257—298.

Hägerström, A. (1953). On Fundamental Problems of Law In: K. Olivecrona, ed. *Inquiries into the Nature of Law and Morals*. Translated by C.D. Broad. Uppsala: Almqvist & Wiksell, pp. 348—366.

Hägerström, A. (1961). *Rätten och viljan: Två uppsaster av Axel Hägerström* [Law and Will: Two Essays by Axel Hägerström]. Lund: Gleerup. (in Swed.).

Hägerström, A. (1963). *Rätten och staten: Tre föreläsningar om rätts-och statsfilosofi* [Law and the State: Three Lectures on Philosophy of Law and the State]. Stockholm: Natur och Kultur. (in Swed.).

Mindus, P. (2009). *A Real Mind: The Life and Work of Axel Hägerström*. Dordrecht; Heidelberg; London; New York: Springer. DOI: 10.1007/978-90-481-2895-2

Olivecrona, K. (1953) Preface. In: Hägerström, A. *Inquiries into the Nature of Law and Morals*. Translated by C.D. Broad. Uppsala: Almqvist & Wiksell, pp. i—xxxii.

Pattaro, E. (2016). Axel Hägerström at the Origins of the Uppsala School. In: E. Pattaro and C. Roversi, eds. *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Volume. 12: Legal Philosophy in the Twentieth Century: The Civil Law World. Tome. 2: Main Orientations and Topics*. Dordrecht: Springer, pp. 319—363. DOI: 10.1007/978-94-007-1479-3_41

Radcliffe, C.J. (1960). *The Law & Its Compass*. Evanstone: Northwestern University Press.

Schmidt, F.F. (1978). The Uppsala School of Legal Thinking. *Scandinavian Studies in Law*, 22, pp. 151—175.

Sherbaniuk, D.J. (1962). Scandinavian Realism. *Alberta Law Review*, 2(1), pp. 58—72.

Spaak, T. (2014). *A Critical Appraisal of Karl Olivecrona's Legal Philosophy*. Cham; Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-06167-2

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Тонков Дмитрий Евгеньевич — аспирант сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук.

AUTHOR'S INFO:

Dmitrii E. Tonkov — Post-Graduate Student of the Human Rights Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Тонков Д.Е. Философия права Акселя Хэгерстрёма // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Том. 13. № 3. С. 82—106.

CITATION:

Tonkov, D.E. (2018). Legal Philosophy of Axel Hägerström. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 13(3), pp. 82—106.